

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński

Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук

Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet

Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński

Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński

Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński

Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński

Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński

Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński

Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński

Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński

Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński

Wojciech Chlebeda, Uniwersytet Opolski

Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie

Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński

Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński

Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński

Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University

Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński

Pavel Glushakov, Ryga

Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II

Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński

Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna

Jadwiga Janaszek, Kielce

Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński

Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński

Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński

Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool

Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński

Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński

Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński

Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński

Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет

Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie

Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński

Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem

Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет

Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński

Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool

Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki

Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński

Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński

Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук

Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski

Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён	467

Ксения Касаткина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва

Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского *Записки из подполья*

Открытие Достоевским «подпольного» характера стало важной вехой литературного процесса XIX в. Как известно, Подпольный парадоксалист был принят современниками писателя крайне неоднозначно, вызвав скорее критику и насмешки, чем понимание и сочувствие. Несмотря на неугасающий интерес исследователей к данному герою, исчерпывающего истолкования метафорического пространства «подполья» и «подпольного характера» не существует и по сей день: настолько противоречив и парадоксален образ, представленный на страницах повести *Записки из подполья*, и получивший дальнейшее развитие в романах «пятикнижия» и в публицистике Достоевского.

Критики и исследователи творчества Достоевского выделяли следующие характеристики парадоксальной натуры Подпольного человека: одновременная способность к добру и злу, моральная неустойчивость, озлобленность и жажда власти в сочетании с мечтательностью и идеализмом, желание и вместе с тем невозможность преодолеть разрыв между собой и окружающим миром, ущемленная гордость, раздвоенность сознания и речи.

В данной работе предпринята попытка осветить те аспекты личности Подпольного человека, которые не были затронуты исследователями или о которых говорилось лишь вскользь, а также указать на взаимосвязь между отдельными психологическими и поведенческими особенностями героя повести Достоевского.

Одиночество в «подполье»

Прежде, чем приступить к описанию пространства «подполья», стоит оговориться, что данное понятие не имеет никакого отношения к политическому подполью. Речь идёт прежде всего о некоем особом душевном состоянии, выражающемся в отделенности от других людей, в осознанной, а порой и вынужденной, социальной изоляции. Что именно «загоняет» героя в «подполье»? Что заставляет его делать сознательный выбор в пользу одиночества?

Думается, в первую очередь, отчуждение Подпольного человека связано с тем, что люди не оправдывают притязаний героя на исключительность и отказываются играть по тем правилам, которые пытается определить для них герой (например, Зверков и компания – приятели героя – вовсе не стремятся поддержать благородный порыв Парадоксалиста к сближению). Подпольный человек, желая того или нет, нарушает неписанные законы коммуникации, делая последнюю невозможной.

Подобные неудачи приводят Парадоксалиста к разочарованию в людях, к обиде на них и, как следствие, гордому удалению в «подполье», что, впрочем, не мешает герою время от времени делать попытки сближения с людьми, как правило, заканчивающиеся крахом и еще большим погружением в «подполье».

Во-вторых, невозможность полноценного общения у Подпольного человека может быть связана с болезненным опытом детства и ранней юности. Нам мало что известно о детстве Парадоксалиста. Но и того, что мы знаем, уже достаточно, чтобы понять, что налицо все факторы, которые в будущем сформируют человека недоверчивого, подозрительного, закрытого. Вот что герой пишет о своем детстве:

Меня сунули в эту школу мои дальние родственники, от которых я зависел и о которых с тех пор не имел никакого понятия, – сунули сиротливого, уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося¹.

Этих нескольких штрихов уже достаточно, чтобы составить себе представление о дошкольных годах нашего героя. Во-первых, то обстоятельство, что он, «сиротливый», был отдан в школу «дальними родственниками» и упоминание о попреках наводят читателя на мысль, что Парадоксалист

¹ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений*: в 30 т., т. 5, Наука, Ленинград 1972, с. 139.

рано лишился родительской заботы, возможно, он оказался сиротой. К тому же, на протяжении всей повести ни словом не упомянуто о родителях – может быть, герой их вообще не помнит? Во-вторых, мальчик был «забит попреками», и, видимо, вследствие этого уже тогда был «молчаливым» и «дико на все озирающимся». Всего одно слово – «сунули» в школу – рождает образ никому не нужного ребенка, от которого хотят поскорее избавиться и делают это при первой же возможности.

Разумеется, одноклассники героя не могут и не желают понять трагедию детства Парадоксалиста. Перед ними «забитый», «молчаливый» и «дико на все озирающийся» сверстник. Их реакция вполне предсказуема:

Товарищи встретили меня злобными и безжалостными насмешками за то, что я ни на кого из них не был похож. Но я не мог насмешек переносить; я не мог так дешево уживаться, как они уживались друг с другом. Я возненавидел их тотчас и заключился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость.²

Позже к чувству ненависти добавилось еще и безграничное презрение:

Еще в шестнадцать лет я угрюмо на них дивился; меня уж и тогда изумляли мелочь их мышления, глупость их занятий, игр, разговоров. Они таких необходимых вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предмета-ми не интересовались, что поневоле я стал считать их ниже себя³.

Говоря «поневоле», Парадоксалист, наверное, немного лукавит: скорее всего, юноша с рвением оскорбленного самолюбия выискивал у ненавистных ему одноклассников слабости, преувеличивая их и преуменьшая возможные достоинства.

Будучи еще юным, он не отказывается от общества окончательно (как произойдет в более зрелом возрасте), пока еще только формирующееся «подполье» имеет связи с внешним миром. Герой предпринимает попытки сблизиться с окружающими, т.к. чувствует сильную потребность в общении, но подобная дружба никогда не выдерживает проверку временем.

Интересно, что одиночество Подпольного человека, при всей его мизантропии, несколько иного рода, чем байроническая отчужденность Раскольникова или Ставрогина: последних действительно не слишком волнует, что

² Там же.

³ Там же, с. 139.

подумают о них люди, это искреннее и абсолютно сознательное отстранение от общества. Парадоксалист же в своем одиночестве беспрестанно оглядывается на людей. Его настолько беспокоит возможное осуждение общества, что это порой превращается в навязчивую идею: герою чудится, будто все взгляды обращены на него, что люди только и думают о его промахах и осечках, словно сотни глаз начинают неотступно следить за ним, стоит ему лишь высунуться из своего «подполья»:

В должности, в канцелярии, я даже старался не глядеть ни на кого, и я очень хорошо замечал, что сослуживцы мои не только считали меня чудаком, но – все казалось мне и это – будто бы смотрели на меня с каким-то омерзением. Мне приходило в голову: отчего это никому, кроме меня, не кажется, что смотрят на него с омерзением?⁴

Довольно сложно представить себе Раскольникова (при всей его склонности к самокопанию), фантазирующего на подобную тему, ведь цель «пробы» Раскольникова – доказать свое превосходство себе самому, в то время как Парадоксалист жаждет признания своей исключительности со стороны общества. В этом ключ к пониманию разницы «одиночеств» этих двух героев: внутренний конфликт Раскольникова никак не связан с изолированностью героя от общества, а следовательно, одиночество не доставляет герою особенных страданий; внутренний конфликт Парадоксалиста же напрямую зависит от отношений с другими людьми, а значит, вынужденный выбор в пользу одиночества для Подпольного человека болезнен и мучителен.

Положение Парадоксалиста осложняется «усиленным сознанием»: героя до иступления мучает вопрос о том, почему же он так нуждается в людях, которых до такой степени ненавидит и презирает. В этом и коренится основной психологический парадокс Парадоксалиста: он одновременно любит и ненавидит людей, стремится к ним и их же отталкивает, восхищается и презирает, страдает от одиночества, но, пребывая в обществе, мучается еще сильнее. Внутренне Парадоксалист понимает, что невозможно получить желаемую любовь, не изменив самому себе и не предав собственных убеждений, однако продолжает попытки «завоевания мира», заранее обреченные на провал.

Необходимо отметить, что к моменту написания своих записок герой оставляет попытки социализации, окончательно замыкаясь в «подполье».

⁴ Там же, с. 124.

Однако стоит ли рассматривать его исповедь как очередную (возможно, последнюю) попытку найти контакт с обществом, или Парадоксалист сближается с Раскольниковым, меняя адресата своих доказательств с внешнего на внутреннего, тем самым замыкая круг общения на самом себе?

Отгородившись от общества окончательно, укоренившись в «подполье», герой продолжает нуждаться в собеседнике. Его записки восполняют недостаток общения, служат мостиком во внешний мир, отсюда и диалогизм и полемичность слова Подпольного человека, отмечавшиеся М.М. Бахтиным. Присутствие другого, его влияние на текст, порождаемый героем, очень ощутимо: при разрыве физического контакта с людьми, другой, продолжая существовать в сознании Подпольного человека, остается психологически значимым для него. Как доказывает Бахтин, навязчивым стремлением предвосхитить чужую оценку, тем самым сохранив за собой право на последнее слово, Подпольный человек «показывает свою зависимость от чужого сознания, свою неспособность успокоиться на собственном самоопределении»⁵.

А.Б. Криницын также отмечает значимость другого в жизни героя:

Собеседник воспринимается говорящим как воплощенная проекция его мнительности и страха перед другими, являясь порождениями его комплекса неполноценности. Произносящие исповедальный монолог так боятся мнения другого, что пытаются отнять у него «другость», свободу оценки и суда, и присваивает ее себе [...] Двойник – как раз и есть «вобранный в себя», «убитый» другой. Однако этот процесс приводит, парадоксальным образом, к еще большей радикализации «другости». В душе героя другой возрождается, и зависимость от него достигает высшей степени⁶.

Таким образом, Подпольный человек, отгородившись от мира, продолжает находиться в зависимости от другого, сокрытого внутри себя самого. Герой сам сначала заявляет, что не собирается публиковать свои записки и создает их для себя, однако все его сочинение представляет собой либо бесконечные оправдания, либо яростные возражения мнимым собеседникам. Но эти собеседники (поскольку записки создаются для самого себя) находятся внутри Подпольного человека. Они – его судьи, и судьи не благожелательные,

⁵ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* [в:] М.М. Бахтин, *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, Русские словари, Москва 2002, с. 256.

⁶ А.Б. Криницын, *Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского*, МАКС Пресс, Москва 2001, с. 218.

и даже не беспристрастные, а насмешливые, презирующие Парадоксалиста (личности внутри человека презируют самого человека и насмеваются над ним) и даже (любопытный факт!) не имеющие, как полагает герой, достаточно свободного времени, чтобы выслушивать его болтовню.

Парадоксалист не может принять себя или позволить себе быть таким, каков он есть. Если судьба извне не находится, Подпольный человек начинает сам выступать в роли судьбы, и, таким образом, никогда не может остаться один, наедине со своими мыслями и чувствами. Его существование замкнуто в бесконечной рефлексии, которая строится как диалог с другим. От присутствия этого внутреннего судьбы герою некуда деться, поэтому он вынужден заниматься постоянным объяснением своих поступков и мыслей – бесконечно оправдываться в своем существовании.

Суть его рефлексии в конечном итоге сводится к попытке утвердить свое право на жизнь, право иметь собственную личность, убеждения, мнения; трагедия его существования не столько во внешнем конфликте с миром, сколько во внутреннем конфликте с собой, воплощающим этот мир. Отсюда и ненависть к самоуверенности окружающих: Парадоксалист не может доискаться причины, почему другие прощают и даже любят свое «отвратительное и прерябое лицо», а он вынужден терзать себя за то, что его лицо выражает недостаточно благородства или ума; почему окружающие, говоря пошлости, не мучаются потом годами, почему они не боятся выглядеть глупо, почему не казнят себя за унижение – и приходит к выводу, что «развитой и порядочный человек не может быть тщеславен без неограниченной требовательности к себе самому и не презирая себя в иные минуты до ненависти»⁷.

Гордость и самоуничужение в «подпольном» характере

Остановимся подробнее на вопросе о том, как в Подпольном человеке могут ужиться с одной стороны его непомерная гордыня, жажда власти и признания, а с другой стороны – стремление самоуничужаться, умалаять свои достоинства и преувеличивать недостатки.

Подпольный человек необычайно горд, заносчив и самолюбив, и в то же время, как уже отмечалось, склонен к болезненной рефлексии («усиленному

⁷ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений...*, с. 125.

сознанию»). Признаваясь в том, что «усиленное сознание» – это болезнь, герой, конечно, лукавит. Да, он действительно может считать, что болен «усиленным сознанием», однако ни за что не променяет его на простое обывательское благополучие, в чем позже и признается: «А между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание – да ведь это единственная причина сознания»⁸.

О взаимосвязи страдания и гордости в характере Подпольного человека очень точно писал А.П. Скафтымов:

Страдающий герой находит в страдании повод к какой-то особой выделенности, как бы внутреннее право на особое внимание и признание, и в этом смысле любит боль. Все это в совокупности называется «наслаждением обидой». Для нас здесь важно указать, что «наслаждение обидой» в «Записках» ясно объяснено как проявление бунтующей гордости⁹.

Чтобы постоянно наслаждаться своим отчаяньем, иметь возможность с упоением «грызть» самого себя, герой специально создает себе условия жизни по принципу «чем хуже – тем лучше»: живет в скверной комнате на краю города, держит глупую и злоую служанку, терпит губительный для его здоровья петербургский климат и т. д.

Характерной особенностью Подпольного человека является «книжность» его сознания, то есть на его образ мыслей и восприятие действительности сильное влияние оказали литература и философия. Как видно из текста, герой знаком с философскими концепциями Канта, Штирнера, Шопенгауэра, он читает Чернышевского, Некрасова, Гоголя, Гончарова, Пушкина, Байрона, Гейне и пытается рассуждать о прочитанном в применении к современной действительности. Подпольный человек часто не хочет или не может различить реальную действительность и литературу. Жизнь настолько не соответствует его внутренним идеалам, что он предпочитает «перекраивать» ее по литературному образцу, часто сознательно закрывая глаза на явные несоответствия и нестыковки. Ярким примером подобного восприятия действительности может послужить поведение Парадоксалиста в трактире, после того как его оскорбительно «переставили с места на место, как какую-нибудь вещь». Он признается, что не стал затевать ссору из-за

⁸ Там же, с. 119.

⁹ А.П. Скафтымов, *Поэтика художественного произведения*, Высшая школа, Москва 2007, с. 197-198.

того, что знал за собой склонность к «литературщине» и понимал, насколько неуместно и смешно будет выглядеть его «литературный» протест. Однако даже с учетом того, что офицер совсем не был похож на литературного героя, а ситуация вовсе не располагала к благородному вызову, Парадоксалист все равно сочинил «прекрасное, привлекательное письмо» к офицеру, «умоляя» того перед ним извиниться, «в случае же отказа довольно твердо намерен был на дуэль»¹⁰.

Чем обусловлено такое стремление Подпольного человека действовать по литературным канонам? Как ни странно, этот желчный человек в душе своей настоящий романтик, истинный литературный герой: тут и пресловутое романтическое двоемирие, и бушующие страсти, и нечеловеческие страдания, доводящие нашего героя до истерических припадков и лихорадок, и щемящее одиночество, и вселенская тоска. Но парадокс заключается в том, что все эти черты воплощаются в личности мелкого канцелярского чиновника, мнительного, дурно сложенного, с невыразительной внешностью, принужденного носить шинелишку на енотовом воротнике (потому что на «бобрика» канцелярского жалования не хватает). То есть в образе Парадоксалиста перед нами предстает «маленький человек» с наполеоновскими амбициями и байроническим самомнением.

Герой *Записок из подполья* необычайно честолюбив, его не устраивает положение «быть как все» – в глубине души он хочет большего: стоять над людьми, повелевать ими – а тут недалеко до Раскольникова, с его идеей богоизбранности и вседозволенности. Но Подпольный человек все же несколько отличается от героя романа *Преступление и наказание*: Парадоксалист не хочет силой захватывать первенство, он жаждет, чтобы люди сами признали его превосходство.

Желание властвовать со всей полнотой проявляется в эпизоде с проституткой Лизой. Он из любопытства и злости мучает девушку, описывая ей ее безвыходное положение, цепляя образ за образом, один другого ужасней. Тем самым Парадоксалист вымещает на Лизе обиду за все те унижения, которые ему пришлось вынести от приятелей за прошедшую ночь, и испытывает при этом острое наслаждение власти. Он достигает цели, доведя Лизу до крайней степени отчаянья.

То есть сознательно герой стремится доказать свое право быть личностью, хочет обратить на себя внимание, а подсознательно желает властвовать над людьми, но и для первого, и уж тем более для второго нужно чем-то

¹⁰ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений...*, с. 129.

выделяться, отличаться от людей. Подпольный человек так болезненно не желает быть посредственностью, что готов пойти на все, доказывая свою неординарность.

Таким образом, внутри сознания героя сталкиваются два противоположных чувства: с одной стороны, желание любыми средствами удовлетворить свое болезненное самолюбие в сочетании с тягой к эпатажу, а с другой – крайне критический взгляд на собственную личность, порой доходящий до презрения и даже ненависти к самому себе. Так как же совместить в одном образе два противоположно направленных вектора? Парадоксалист сам описывает неудачные попытки предстать в образе литературного героя или благородного рыцаря:

Особенно ободрялся и разгуливался я после девяти часов, даже начинал иногда мечтать и довольно сладко: «Я, например, спасаю Лизу, именно тем, что она ко мне ходит, а я ей говорю... Я ее развиваю, образываю. Я, наконец, замечаю, что она меня любит, страстно любит [...]» Затем мы начинаем жить-поживать, едем за границу и т. д.¹¹

На банкете, посвященном проводам Зверкова, Подпольный человек пытается уничтожить своих врагов едкой, насмешливой критикой, чем вызывает только их недоумение и смех. Отсюда можно сделать вывод, что амплуа презрительного и высокомерного резонера тоже не удастся ему, как не получается до конца выдержать роль циничного злодея в жестоком поступке с Лизой. И тогда Подпольный человек решает превзойти всех своим цинизмом и парадоксальностью: не став ни ангелом, ни демоном, он избирает для себя роль желчного, злобного и болтливого шута. Шута, которому, по законам жанра, дозволено говорить правду. Он стремится поразить читателя тем, что не обошел в своей исповеди таких моментов своей жизни, о которых другие предпочли бы вовсе не вспоминать.

Кажется, герою нравится рассуждать о мельчайших деталях своего дурного поведения. Парадоксалист вспоминает все самые гадкие, самые порочащие его случаи, начиная с мелочей, которые он упоминает просто для сравнения (например, «Когда к столу, у которого я сидел, подходили, бывало, просители за справками, – я зубами на них скрежетал и чувствовал неумолимое наслаждение, когда удавалось кого-нибудь огорчить»¹²), и заканчивая

¹¹ Там же, с. 166-167.

¹² Там же, с. 100.

центральным эпизодом с Лизой, в котором не избегает самых интимных и порочащих его подробностей. Более того, Подпольный человек стремится разными средствами преувеличить свою подлость, представить ее в самом неприглядном виде. Он беспрестанно провоцирует читателя своими парадоксальными высказываниями. Приведем для иллюстрации лишь некоторые из тех провокаций, которыми насыщен текст *Записок*: «Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут»¹³ (вывод, явно сделанный для того, чтобы вызвать в читателе возмущение и несогласие); «Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво»¹⁴; «Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать?»¹⁵

Сам тон выражений Парадоксалиста призван оскорбить вкус читателя, его определения и сравнения экспрессивно окрашены и стилистически снижены и рассчитаны, опять же, на то, чтобы поддержать в читателе впечатление неблагообразности и юродства героя. Возможно, в каких-то местах Подпольный человек специально для того, чтобы казаться еще хуже, искажает отдельные факты, приписывает себе поступки, мысли и чувства, которых у него никогда не было. При этом создается впечатление, будто герою не хватает материала, чтобы убедить читателя в собственной подлости и ничемности – он словно боится, что читатель недооценит степень его непривлекательности – и поэтому создает факты по ходу своего рассказа: «Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написал, думая, что выйдет очень остро; а теперь, как увидел сам, что хотел только гнусно пофорсить, – нарочно не вычеркну!»¹⁶

Однако своеобразное хвастовство своими пороками все время оборачивается оправданиями – интересное свойство характера героя: он сначала сам рассказывает о себе что-нибудь гадкое, а потом начинает сам же оправдываться перед читателем. Логично было бы предположить, что если чувствуешь стыд, то лучше наоборот постараться скрыть от других постыдные моменты и не вспоминать о них. Зачем же герой постоянно оправдывается?

¹³ Там же, с. 100.

¹⁴ Там же, с. 104.

¹⁵ Там же, с. 107.

¹⁶ Там же, с. 100.

Стремление покаяться – одна из наиболее характерных черт многих героев Достоевского – тесно связано с христианскими представлениями о покаянии и признании своей ничтожности. В восприятии ряда героев Достоевского (например, Мармеладова), если человек находит в себе силы признаться в грехе «перед всем честным народом», публично покаяться, то за это бремя проступка как бы снимается с него. А если избавиться от греха так просто – нужно всего лишь признать в себе врожденную подлость – то возникает соблазн позволить себе грешить опять, чтобы потом вновь покаяться перед людьми. Этой «мармеладовской заповеди» (грешить – каяться – и снова грешить) следует и герой *Записок из подполья*. Признаваясь окружающим в своем дурном качестве, в какой-то постыдной слабости, Парадоксалист словно индольгирует ее себе, наслаждаясь сознанием собственной смелости, а заодно радуясь возможности «отпущения грехов». Однако такое покаяние нельзя назвать искренним. Все дело в том, что Подпольный человек не способен ни к глубокому раскаянию, ни к настоящему прощению.

«Подпольный» стыд

Глубинной психологической причиной того, что Подпольный человек выбирает для удовлетворения своей гордыни наиболее околный из возможных путей – самоуничтожение, является чувство стыда, которое постоянно испытывает герой. Вся исповедь Подпольного парадоксалиста, обе ее части проникнуты чувством стыда: воспоминанием о прожитом стыде, стыдом перед читателем за свои поступки, стыдом за то, что он это рассказывает. Парадоксалист стыдится постоянно: «постыдно сознавал, что я не злой человек», «буду несколько месяцев от стыда страдать бессонницей», «постыдно проскользнуть в свою щелочку», «постыднейшие подробности», «стыд, доходивший до проклятия», «я обмер со стыда», «как мне стыдно-то было между схлипываний», «со стыдом и отчаянием бросился вслед за Лизой», «мне было стыдно, все время как я писал эту повесть» – и это далеко не полный список выражений из текста *Записок*, где упоминается чувство стыда. А в скольких случаях оно остается неназванным: подразумевается, возникает подспудно, обыгрывается ситуацией в целом?

Чтобы заглушить в себе чувство стыда, а главное, чтобы другие не догадались о его неуверенности, Парадоксалист начинает вести себя вызывающе, пытается спровоцировать ссору. На обеде у Зверкова, стыдясь своего

ветхого, заношенного костюма и особенно панталон с желтым пятном на коленке, предчувствуя насмешки приятелей, герой заранее настраивает себя на злобный и раздражительный лад. Чтобы скрыть неловкость, Подпольный человек начинает вести себя развязно и провокационно, «с горя» пьет «лафит и херес стаканами»; алкоголь еще больше распаляет его злость, что в итоге приводит к ссоре с приятелями. Как уже говорилось выше, подобное провокационное поведение имеет место и по отношению к читателю.

Проявления «подпольного» стыда чрезвычайно многообразны. Подпольный человек может испытывать стыд за какой-либо совершенный поступок: «стыд постфактум» (например, стыд за «развратик»); за то, чему еще только предстоит произойти: «предвосхищающий стыд», когда герой стыдится, заранее предчувствуя свое поражение (например, стыд, сопровождающий ожидание прихода Лизы); а также «стыд за стыд» – своеобразная рефлексия по поводу стыда. Можно представить, что творится в душе героя, когда все три чувства соединяются вместе. Он, во-первых, стыдится того, что *уже* свершилось, во-вторых, того, чему еще предстоит свершиться, и, в-третьих, стыдится за весь этот свой стыд целиком, разумеется, получая от этого стыда сладострастное удовольствие, в чем сам неоднократно и, опять же, с удовольствием сознается читателю: «Вот от этих-то кровавых обид, вот от этих-то насмешек, неизвестно чьих, и начинается наконец наслаждение, доходящее иногда до высшего сладострастия»¹⁷. Отдельно стоит отметить, что Парадоксалист также стыдится перед читателем и за свою исповедь, хотя еще в самом начале записок герой оговаривает, что вряд ли когда-нибудь кто-либо, кроме него самого, будет читать их.

Библиография

- Бахтин М.М., *Проблемы поэтики Достоевского* [в:] М.М. Бахтин, *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, Русские словари, Москва 2002.
- Достоевский Ф.М., *Собрание сочинений*: в 30 т., т. 5, Наука, Ленинград 1972.
- Криницын А.Б., *Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского*, МАКС Пресс, Москва 2001.
- Скафтымов А.П., *Поэтика художественного произведения*, Высшая школа, Москва 2007, *Классика литературной науки*.

¹⁷ Ф.М. Достоевский, *Собрание сочинений...*, с. 106.

ABSTRACT

Psychological Space of the “Underground” in *Notes from Underground* by Fyodor Dostoyevsky

The article examines the metaphorical spiritual space of the “underground,” where the narrator of the *Notes from the underground* is “diving”. The most important concepts that make up this psychological locus are pride, self-humiliation, shame, loneliness, and relationship with society and himself. In this paper the author attempts to show the reasons for the formation of the “underground” as a conceptual space and to reveal the correlation of some psychological aspects of the character.

Key words: *Notes from Underground*, Dostoyevsky, underground man, paradoxalist, underground, pride, shame, self-humiliation, loneliness

Ключевые слова: *Записки из подполья*, Достоевский, Подпольный человек, Парадоксалист, Подполье, гордость, стыд, самоуничижение, одиночество

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademickie między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

